

Сергей Сигерсон

Пермский акцент в имажинистском интернационале 1920-х годов

Герои этих заметок — не известная связями с Пермью тройца Дягилев, Каменский, Пастернак (хотя и они занимают тут подобающее место), а мало известные публике деятели искусств. Родившийся в Париже питерец Лев Гордон успеваеет побыть английским торговым чиновником, сыном невозвращенца (банкира-живописца), европейским салонным лектором, парижским арестантом-революционером, уральским ссыльным эсером, московским переводчиком, американским практикантом, театральным рецензентом, женихом-мужем анархистки, арестованным красными заграничным шпионом, донским рисоводом, кубанским механиком, беломорским строителем, авиационным инструктором, узбекским нефтяником, столичным театральным преподавателем, председателем альпинистов, библиотечным специалистом по маргинальным вольнодумцам мюнхаузенской эпохи. В 1927-м и 1957-м его принимает под свою опеку Пермь, здесь он работает в газете, театре, педагогическом институте, воспитывает диссидентов и просто культурных людей, переживает доносы-увольнения-высылки. Друживший с ним тогда вождь пермских фантастов, знаменитый переводчик, берущий один из псевдонимов калькой у московского фэкса, урождённый одессит А. Грузберг (известен также под псевдонимами Г. Александров и Д. Арсеньев)

рассказывает мне, что об авангардной молодости Л. Гордон старается не вспоминать: «Знаю, что он жил в молодости в Европе, но чем он там занимался, не знаю... Хотя именно он познакомил нас с творчеством Вад. Андреева». Во время поездок на отдых в Одессу целыми днями экс-авангардист просиживает в архивных залах библиотеки над рукописями пушкинской эпохи.

До сих пор слабо затронутая исследователями тема — эксцентричный Имажинистский Интернационал. Проговариваем только основные вехи. Московская Ассоциация Вольнодумцев 1920-х проводит акции под лозунгом «Имажинисты всех стран, соединяйтесь!», а своей структурой пародирует партийные органы. В тюремной анкете С. Есенин графу «партийность» метит: «имажинист». Вот, например, состояние дел по докладной записке В. Шершеневича на 1922 год: «Верховный Совет Ордена Имажинистов: Есенин, Мариенгоф, Кусиков, Якулов, Шершеневич. ЦК: те же + Б. и Н. Эрзманы, Авраамов, Павлов. Московское отделение: верховные советчики плюс цекисты, плюс: Златый, Земенков, Краевский, Мар, Вольпин, Грузинов, Ройзман, Маслеников, Ивнев, Эрберг, Рок, Светлый, Шмерельсон, Спаский, Тренин».

В журнале ассоциации «Гостиница для путешественников в прекрасном» Б. Глубоковский отмечает: «Из группового течения имажинизм вырос в большое литературное направление, проникшее во все углы СССР... Господство футуризма кончилось... лучше подражать Шершеневичу прошлого, чем штампованному футуризму настоящего». Здесь же печатаются среди прочих боевых теорий статья парижанина-дадаиста Ф. Леже, отдельные обзоры белорусских (группа «Маладняк» во главе с М. Чаротом) да еврейских имажинистов (попутно — американских да украинских), рецензии на соратников да подражателей со всего мира (Н. Берендгоф, К. Вагинов, Э. Герман, В. Маяковский, Б. Пастернак, С. Ромов, Е. Стырская, Н. Хабиас, Л. Чернов, С. Шишкин, др.). В последнем (как оказывается тогда) номере журнала 1924 года анонс так и не выходящего альманаха «Вольнодумец» с тремя очагами движения да тремя десятками картинок: «1 сентября с.г. Роман, драма, поэмы, философия, теория, поэтика, живопись, музыка, театр: Россия, Зап. Европа, Америка; 30 репродукций». В Париже 1924-го А. Мариенгоф (в одном из трёх своих заграничных туров) с А. Кусиковым (застрявший там) доводят «Вольнодумец» почти до печати, торопят московских друзей с присылкой материала. Тогда же запускает в Париже свои настоянные на эксцентрике ленты интернациональная дада-компания Р. Клера (начинается цикл «Антрактом», завершается «Вояжом имажинариста»), сам режиссёр и позже подчёркивает свою благодарность русскому постановщику Я. Протазанову, который приводит его в кино (делает из журналиста актёра).

В том же 1924-м держащий нос по ветру всех новых идей обосновавшийся на Сене пермяк С. Дягилев (помогает с визой прибытия даже В. Маяковскому) для парижских «Русских сезонов» затевает с имажинистами балет «Стальной скок». До триумфальной премьеры проходит три года с тройной сменой названия (в т.ч. зумного да концептуального), отказом от сотрудничества трёх активистов Ассоциации Вольнодумцев (А. Кусиков, В. Мейерхольд, А. Таиров), созданием окончательного сценария троицей экс-москвичей: композитор С. Прокофьев да художник Г. Якулов (сотрудники по кабаре «Питтореск») при участии режиссёра-танцора Л. Мясина (Массина). Стиль продолжает линию открытого якуловской бригадой в «Питтореске» конструктивизма да «танцев машин» Мастфор, влияя на последующие работы не только «Русских сезонов», но и всех передовых американских-европейских трупп. Соратники-соперники главного имажинистского художника после его смерти создают в Париже для пропаганды идей (три западных синонима — люминизм, орфеизм, симультанизм) да устройства выставок международное ОДЯ (Общество Друзей Якулова): Р. Делоне, В. Маркаде, П. Пикассо, С. Прокофьев, Б. Сандрар, С. Терк, Р. Херумян, М. Шагал, др.

Гастролёр С. Есенин в Берлине (с одесским эмигрантом А. Ветлугиным (В. Ветлугиным (В. Рындзюном (три варианта))), в Париже (с А. Кусиковым), в Нью-Йорке (с В. Левиным)

затекает филиалы издательства «Имажинисты», рисует обложки будущих здешних книжек с логотипом издательства, устраивает публикации московских друзей, собирает старых товарищей по российским поэтическим боям (Л. Гребнев, И. Левин, др.), привлекает близких по духу эмигрантов (К. Аладжалов, т.п.). Один из них — Д. Бурлюк — не только рисует портреты гостя, но и газетно оповещает: «Предполагаются поэзоконцерты прибывшего поэта. Стихи Есенина переводятся на английский язык и скоро будут предложены американскому читателю. Поэт предполагает пробыть в Америке три месяца. Своей внешностью, манерой говорить С. А. Есенин очень располагает к себе. Среднего роста, пушисто-белокур, на вид хрупок. Курьёзно, что американская пресса величает С. А. Есенина украинским поэтом — это его-то — беляка-русака!» Прибывший всюду загружает переводчиков, проводит театрализованные вечера в духе «Стойла Пегаса». Например, нашумевший в Берлине 1922-го «Вечер четырёх негодяев» под лозунгом «Нам хочется вам нежное сказать», где А. Н. Толстой читает доклад «Три каторжника» про сотоварищей по спектаклю А. Ветлугина, С. Есенина, А. Кусикова. Другой вечер проводится в советском посольстве к пятилетке революции в похожем составе 3+1: А. Кусиков, В. Маяковский, И. Северянин (причастники имажинизма читают стихи), А. Н. Толстой читает отрывки из просоветского «краснопинкертоновского» романа «Аэлита». Троицей (А. Кусиков, И. Северянин, А. Н. Толстой) выступают вскоре перед русскими студентами Берлина. Там же чуть позже 3+1: С. Есенин, А. Кусиков, А. Н. Толстой + со стихами Мар. Андреева (Желябужская (Юрковская (три варианта))) — одна из трёх максимумогорьковских жён.

Под впечатлением от этого (а также гастролей связанных с имажинизмом Б. Глубоковского, А. Мариенгофа, Б. Пастернака, Б. Пильняка, А. Ремизова, Вл. Соколова, В. Шкловского, др.) создаётся недолгая активная группа берлинского русскоязычного молодняка «4+1» (также привет группе всёёв «41°») из трёх поэтов (Вад. Андреев, Ю.(Г.) Венус, С. Либерман), одной поэтессы (А. Присманова из московского СоПо (Союз Поэтов)), одного прозаика (Б. Сосинский). Есть и расшифровка как союза четырёх кавалеров с дамой. В их составе выступают также троица поэтов Л. Гордон (будущий пермяк), В. Пиотровский (Корвин), С. Шаршун, выставляется художник Н. Зарецкий, не успеваает приехать лично поучаствовать приглашаемый письмами заочный соратник Д. Резников (пожизненный друг в троице с Вад. Андреевым да Б. Сосинским — от константинопольского кружка лицейских поэтов через Обезвельволпал (богемное тайное общество Обезьянья Великая Вольная Палата) до парижских союзов, даже женаты эти трое друзей на родных сёстрах, дочерях эсеров-прозаиков В. Чернова с О. Колбасиной). Группе посвящает тексты дружественная троица обитающих тогда в Берлине, но официально не входящих единомышленников из Парижа — Вл. Свешников (Кемецкий (Свечников (три варианта))), К. Терешкович, Б. Поплавский (Борис Веселов (Боб Мак Намара (три варианта))). Подобно известной арт-группе «Тринадцать», в которой состоит намного больше, «4+1» на самом деле объединяет 13 вышеперечисленных активистов. В знаковом для эксцентриков 1924-м в издательстве «4+1» выходит единственный общий сборник «Мост на ветру» с откровенно имажинистским манифестом «Улыбка на затылке» да анонсом ещё восьми книг (выходит одна у Вад. Андреева (одноклассник петроградских поэтов-чинарей по гимназии)), проводятся совместные вечера-чтения. «Смесь Пастернака, Есенина, Маяковского. Много железобетона, несгораемых двигателей и синтаксически — «сдвигов», — пишет про стихи берлинской группы маститый парижский рецензент, поминая троицу самых известных Западу имажинистов.

Поворотным становится всё тот же 1924-й. В парижский круг левой молодёжи да салоны Дада по следам друзей из «поплавской» компании перебираются трое из ядра «4+1», вливаются в общество «Через», в 30-х с подтянувшимися товарищами организуют связанное с Прагой «Кочевье», провозглашают и отдельную группу поэтов-формистов. В Париже востребованный журнальный прозаик Б.(В.) Сосинский (Б.Р.В.(тройное имя — третий

вариант) Семихат) издаёт единственной авторской книгой «Махно», 1928, три автобиографических рассказа про Гуляй-Поле да Перекоп, которые критика обвиняет в подражании серапионам. Позже он да ещё трое из «4+1» оказываются в СССР (лагеря, т.п.). Последним перебирается в Москву С. Либерман, дольше друзей задерживающийся в Берлине как связанной с местными издателями для московского околомажинистского круга (Р. Ивнев, Б. Пастернак, Н. Эрдман, т.д.). В Россию, мы напоминаем, возвращается и Л. Гордон.

Самое сильное в Казани национальное литературное движение «Взрыв» («Гисиан») пытается изменять изнутри своими силами (по возвращении из Москвы) красный командир, левый поэт-прозаик Кави Наджди, объявляя рождение татарского имажинизма. По примеру столичных собратьев да три года активничавшей группы русскоязычных имажинистов Казани «Витрина поэтов» («Бюро имажинистов» (ИМО — Искусство МОлодых (три варианта))) : С. Арбатов, А. Безыменский, М. Березин, В. Дитякин, Ф. Киселёв, В. Ключева, В. Кудряшов, А. Ланэ, И. Махлис, М. Меркушев, М. Нечкина, И. Никитин, И. Плещинский, С. Полоцкий, К. Сотонин, С. Федотов, др. + остальные участники примыкающей группы графиков «Всадник» (привет мюнхенской интернациональной группе «Синий всадник»), + участвующая в сборниках казанцев заочно московская троица (С. Есенин, А. Кусиков, В. Шершеневич). Татарские имажинисты не оправдывают надежд, заявленная группа быстро самораспускается, остатки вливаются в ТатЛЕФ (ТАТарский ЛЕВый Фронт). Эта организация прилюдно отрекается от предыдущих анархических акций местных левых (типа подвешиваемого И. Никитиным над головами зрителей выставки экспоната-кирпича). Демобилизованный колчаковцами К. Чеботарёв после ранения да отлёжки в белогвардейском омском госпитале возвращается в Казань, снова становится красным вождём местных левых художников, участвует в альманахе местных имажинистов «Автографы», 1922, тогда же выпускает альманах «Трое» (с постоянным соратником-женой А. Платуновой да другом Д. Мошевитиным) как наследие группы «Подсолнух», возрождает «Всадник» как атаман, оформляет спектакли «Красной блузы» да КЭМСТ (Конструктивно Экспериментальная Мастерская Современного Театра), проводит выставки-диспуты ТатЛЕФа, делает множество плакатов с красными бойцами, перебирается в столичные кино-театральные круги («Синяя блуза», ТЮЗ, т.п.), в 40-х плакатист «Окон ТАСС», позже — мемуарист-хранитель казанского авангарда. В год выхода на экраны «Красных дьяволят» К. Чеботарёв выпускает гравюру «Красноармейцы», на которой троица героев фильма гордо идёт к подвигам.

Украинская красная диверсантка-партизанка-подпольщица, тараном яхты чуть не взрывающая Чёрного барона П. Врангеля (воплощая угрозу «дьяволят» в бляхинской редакции 20-х), уходящая в Турцию с белыми остатками, резидентка в европейских столицах 20-х, расстреливаемая чекистами в 30-х орденоносная Е. Феррари (О. Голубовская) попутно успевает писать для детей в журнал «Пионер» да для взрослых в «Центрифугу», входит в левую богемную элиту Европы, дружит с дадаистами, заумниками, имажинистами (С. Есенин, В. Маяковский, особенно А. Кусиков), выступает в поэтических кабаре со своими сказками-стихами, в Милане организует с самыми левыми итальянскими анархофутуристами группу имажинистов (троица инициаторов — У. Барбаро, В. Паладини, Р. Вазари (её соратник ещё по Берлину, 1923)). Эта группа успевает издать журнал «Колесо укуса» («Ла рутта дентата»).

Среди верхушки московских имажинистов заметная роль у троицы армян: А. Кусиков, С. Мар, Г. Якулов. Мастерскую с последним делит Сем. Аладжалов из братской троицы армянских левых художников. Бесследно сгинувший после 1921-го московский кокаинист, красноармеец Гражданской войны, звезда футуристических да имажинистских кабаре (в т.ч. в составе «Банды имажинистов», 1919) С. Заров, которому В. Шершеневич посвящает свой программный стих «Каталог образов», начинает как поэт публикациями в армянской прессе, 1916. Есть версия, что он армянин (Зарян, Зароян или Сарьян (три варианта),

родственник К. Заряна (о котором ниже) или якуловского друга-художника М. Сарьяна)). А. Кусиков да Г. Якулов (в триоце с С. Прокофьевым) обсуждают в Париже будущий балет «Стальной скак». Они же (в триоце с еврейским имажинистом-поэтом П. Маркишем) проводят пропагандистские вечера в парижских салонах, 1925. Лидер ереванских левых поэтов Е. Чаренц после полутора лет московской богемы возвращается на родину, где тут же публикует «Декларацию трёх» с соратниками Г. Абовым да А. Вштуни: «Традиции подобны чахоточным детям, которые испускают только заразу... Мы требуем... ввести: 1) Ритм как движение. 2) Образ как определение жизни. 3) Стиль и язык как выражение данной темы и темперамента». Сейчас группа Е. Чаренца лежит у историков полностью на лефовской полке, но при ярком дебюте её постоянно обвиняют в упадничестве из-за бросающегося в глаза (да уши) имажинизма. Е. Чаренц отбивается: «Очень многому учился у Маяковского, которого могу с гордостью считать своим учителем. Шершеневич и Мариенгоф здесь ни при чём». Действительно, явные параллели его строкам находятся не там, а у С. Есенина с А. Кусиковым.

В Ригу из Москвы возвращается латышский красный стрелок А. Чак, переводит написанные в «Стоиле Пегаса» свои русские стихи на родной язык, сочиняет подобное на латышском, как король поэтов («Апаш во фраке») группирует вокруг себя местных новаторов. Даже в сытой, медлительной межвоенной Прибалтике имажинисты заводятся. Чтоб не скучно. Троицу левых московских рижан с А. Чаком составляют Ш. Дубинский да М. Левилов, бывшие имажинисты на пути к ЛЕФу, маяковские друзья-соавторы.

За имажинизм в Эстонии корят (а когда за него хвалят?) трёх заметных в молодняке — Б. Нарциссова, Б. Новосадова, Ю. Шумакова и — особенно — группу «Раки на мели». Последняя представляет интересный симбиоз — в духе шершеневичевского «Мезонина поэзии» — курчавых эгофутурностей с нарочито грубой метафорикой да задорной арлекинадой. Застольный дружеский кружок при университете Тарту вырастает в целое явление — местной, но — Культуры. Б. Правдин с «Кодакозами имажиниста», И. Беляев с «Укутанным ватой сердцем», В. Адамс (Александровский, пишет и по-эстонски) со «Скорченными орбитами». Троицу местных усиливает заезжая звезда — даже старина И. Северянин в их сборниках печатает нетипичные гротескные пьески да пародийные поэты. А затем и в московском издательстве «Имажинисты» выпускает переводы эстонского образоносца Х. Виснапу. Увлекающимся оказывается «король поэзии». Целый месяц перед тем гастролитуют здесь по дороге в Берлин популяризаторы имажинизма — дружеский дуэт А. Кусикова с Б. Пильняком (увозят «короля» для совместных чтений с собою да другими москвичами-имажинистами в немецкой столице).

Пока самый левый блок чешских новаторов «Девять сил» («Деветсил») придерживается исключительно лефовской ориентации, поэт-циркач В. Незвал держится в сторонке, именуется с единомышленниками имажинаристами, при резкой эксцентризации группы не только входит в её верхушку, но и в триоце с писателями-художниками В. Ванчурой да К. Тейге объявляет новое течение — поэтизм (воплощение шершеневичевского лозунга поэтизировать поэзию). Вместе с триоцей основных левых режиссёров (Э. Ф. Буриан, И. Гонзл, И. Фрейка) В. Незвал перенимает название пражского перевода книги А. Таирова «Освобождённый театр» (за помощь в издании автор письменно благодарит В. Шершеневича) для вывески своих сценических экспериментов, организует обмен с театрами Ассоциации Вольнодумцев журналами-книгами. Вскоре воплощать «Освобождённый театр» начинает дуэт дадаистов-деветсилловцев-поэтистов ВВ (Я. Верих + И. Восковец (Ваксман (П. Долан (три имени))), из-за частого успешного участия Я. Ежека многими воспринимаемый как триоца ВЕВ. Из своего театра триоца делает вылазки на эстраду да в кино, в т.ч. голливудские комедии да театральные ревью Америки-Европы. Другая триоца «освобождённых» поэтистов — И. Гонзл, Я. Сейферт, К. Тейге — тоже не ограничивается журнальными да сцени-

ческими опытами, с 1924 года (а когда же ещё!) активизируется на кинофронте. Правда, без такого успеха, как советские эксцентрики, дальше публикации сценария в своём журнале проект не идёт.

В польском футуризме тон задают последователи московских имажинистов С. И. Виткевич, С. Е. Лец, Б. Ясенский, др. (некоторые перебираются непосредственно с русской территории), но употребление этого термина ими в качестве самоназвания мне неизвестно. Зато его принимает многочисленная русскоязычная варшавско-пражская группа «Скит поэтов» («Мастерская слова» («Таверна поэтов» (три варианта))) с тремя дочерними филиалами (Берлин, Таллин, Ужгород). Атаман полусотни «скитников» (не считая «гостей и друзей Скита», в т.ч. левых белорусов, украинцев, чехов) — эмигрант из Одессы эсер А. Бем (ср. с интернациональным объединением трёх имажинистов «АБЕМ» — это название единственной книжки стихов С. Мар, посвящаемой А. Мариенгофу, в оформлении Г. Якулова). А. Бем в конце 30-х подчёркивает: «Если Париж продолжал линию, оборванную революцией, непосредственно примыкая к школе символистов... то Прага прошла и через имажинизм, смягчённый лирическим упором Есенина, и через Маяковского, и через Пастернака. Это не подражание, а естественный путь развития русской поэзии». Основное название перекликается с московской «Сектой поэтов» молодых имажинистов, 1919, во главе с И. Грузиновым (да и с «Мезонином поэзии» В. Шершеневича).

Хотя и про сотрудничающий с Ассоциацией Вольнодумцев парижский интернациональный левый молодняк «Через» Вл. Ходасевич брюзжит: «Они до сих пор находятся в той стадии футуризма, которая пройдена Маяковским к 1918, имажинистами и т.п. группами — к 1920, Пастернаком — примерно к 1922». А ренегат имажинизма Б. Лавренёв печатает доносы: «В грязном стойле Шершеневича — поэтическая братия стряпает всё то, что эхом отдаётся на другом континенте и прокатится по всему миру». Лишь суровые 1930-е, к радости брюзгливых, губят не утвердившийся эксцентричный (с уклоном в имажинизм) Интернационал. На звание которого претендует группа «Через» — изначально тройное объединение: трёх активно выступающих в кабаре да немного печатающихся парижских русских групп («Гатарапак», «Палата поэтов», «Удар»), трёх эфемерных издательств («Двенадцать», «Канарейка», «Мишень»), трёх более долго живущих («Орфей», «Перевоз», «41°»), общее русло для трёх в остальном различных культурных потоков (европейский, советский, российско-эмигрантский). С этой группой в «Гостинице для...» имажинисты в счастливый для эксцентриков 1924-й обходятся запросто: «Мы с особой любовью протягиваем через десятки границ — дружескую руку нашему далёкому другу». А разочаровывающийся Ильязд тогда пишет В. Кемецкому из Парижа в Берлин (написание по источнику): «ЧЕРЕЗА нет/ УДАРА нет/ Парнаса нет/ вообще ничего в Париже больше нет, так меня нет!.. не прочтите со скуки! уезжайте скорее в Россию — там Ваша страсть к трагедиям найдёт примененье. читал Ваши стихи в Накануне — Вы пишете лучше всех хуёв, но не станьте иммажинистом! в Ротонду не хожу, Ходасевич отравил атмосферу, теперь ему в этом помогает Мариенгоф. Кое-кто из Камерного приехав удивлён, что на них больше и не срут». Адресат вскоре высылается возмущёнными его левизной немцами в СССР, где расстреливается после советских лагерей-ссылок-тюрем.

Правда, уже после есенинской смерти — на лекции в Союзе русских художников Парижа, 1926 — Ильязд читает доклад с тезисами типа «Имажинизм — спасательный круг». Но этот год считается последним в «героическом периоде» русско-парижского авангарда. Несмотря на появление новых сил, дающих напоследок три недолговечных органа. В 1926-м в Париже выходит журнал «Напролом. Двухнедельник независимых» (затем «Звонарь») при издательстве «Очарованный странник» беглого публикатора имажинистов, футуристов, фэксов В. Ховина, третий его орган после невских «Очарованный странник» да «Книжный угол». Издатель погибает в немецком концлагере, как еврей (из одесских окрестностей), так

и не выпустив анонсированного им ещё в 1924-м журнала питерских имажинистов (с обзорютами) «Необычайное свидание друзей». В 1926-м в Париже выходит журнал «Ухват» при издательстве «Птицелов». Это один из трёх подобных проектов (+белградская «Медуза», парижский «Честный слон») Д. Кобякова (А. Зингер (А. Хлыст (три варианта))) — бывшего военного санитаря, боярского потомка, киевского беглеца, одесского комсомольца, основателя масонской ложи, французского коммуниста, раненого бойца антифашистского Сопротивления, активиста литгрупп 10–40-х (парижский Клуб Молодых Литераторов, парижско-пражское «Кочевье», московский «Млечный путь» с молодыми имажинистами, пражский «Скит поэтов», тифлисский Цех Поэтов), который умирает заводским слесарем-пенсионером в том же алтайском городке, где находит финал и В. Шершеневич. В 1926-м в Париже выходит «Вавилонская башня. Журнал всех континентов», третий подобный (после «Капища» да «Храма на холме») для издателя К. Заряна (Г. Зарьяна (К. Егиазарянца (три варианта))) — сына армянского генерала, азербайджанского гимназиста, французского лицеиста, бельгийского студента, немецкого смертника, российского боевика-социалиста, болгарского искусствоведа, кавказского военного корреспондента, турецкого смертника, итальянского футуриста (из самой верхушки движения), раннесоветского журналиста, средиземноморского философа-отшельника, американского профессора, бейрутского лектора, неоднократно арестанта разных стран, всемирного скитальца, пишущего авангардно на многих языках драматургию-прозу-поэзию (три вида). Именно он (под именем Т. Багдасарян) является одним из трёх арестованных мюнхенской полицией в 1908-м при обмене денег, захваченных самым знаменитым налётом большевистской боевой группы С. Камо. Именно он публикует в «Вавилонской башне» при поддержке французских левых художников да индийских-испанских прозаиков свои переводы на французский трёх русскоязычных дада-имажинистов (А. Кусиков, М.Л.М. Талов, С. Шаршун). Именно он после возвращения по приглашению властей в Армению 60-х печатает искупированные мемуары, при внешнем почёте работает в музее имени атамана армянского советского авангарда Е. Чаренца.

Забавную вариацию Дада (из-за наборщика, вероятно) рождает берлинский журнал «Вещь» № 3, 1922: «В Париже существует русский кружок левых поэтов «Палата поэтов». Он поддерживает дружественные отношения с французами, в частности с группой «Дада». Зданевич продолжает в Париже деятельность тифлисского 41°... В Берлине выходит сборник петербургских «Братьев Серапионовых». Предыдущая «Вещь» №1–2, 1922: «Мы приветствуем «Удар»... — друзья и единомышленники «Вещи». Здесь анонсы (чаще всего исполняемые) текстов Н. Асеева, С. Буданцева, С. Есенина, О. Мандельштама, В. Маяковского, В. Парнаха, А. Таирова, фэксов, «Виктора Шкловского и всех «Опдязцев» (именно так!). Тут же в статье Ж. Сало (французская маска И. Г. Эренбурга): «Теория имажинизма... России... напоминает однородные: английский «имажинизм», испанский «имажинизм», наш довоенный «фантазизм» (Тристан Дээрм и др.). В 1922-м её утверждения звучат либо реакционно, либо наивно». А на следующем развороте с пометой «в порядке дискуссии» манифест А. Кусикова «Мапа и пама имажинизма», который заканчивается: «Стойло Пегаса можно отдать Маяковскому, пусть он там стоит, бьёт о землю некованым копытом и ржёт стоялым жеребцом... Конь нынешних поэтов не Пегас, а само время... Нет искусства кроме имажинизма — имажинисты пророки его. Слава нам!» Тогда же в берлинском журнале «Сполухи», 1922, редактор А. Дроздов с положительной характеристикой имажинистов помещает «Мысли о здоровом»: «Сегодняшний день отмечен в календаре русской словесности красной праздничной датой, началось братание двух русских литератур, литературы, живущей в шалашах родины, и литературы, бьющейся на мостовых иностранных столиц. Я умышленно сказал «братание», хотя брататься, понятно, нечему и незачем: человек, вставши поутру, не станет в знак утреннего приветствия жать правой своею рукой левую — в лучшем случае поглядится в зеркало и потреплет себя по щёчке».

Друг всёков по Москве, 1910, актёр-писатель-теоретик-художник, словацкий сын Серж Шаршун дезертирует из Российской армии, 1912, всплывает в кубистских студиях Парижа, с 1916-го в Барселоне активничает в рядах дада, которые свой журнал во главе с Ф. М. М. Пикабиа называют «391» (к предыдущему названию «291» специально прибавляют единицу, теперь сумма трёх цифр составляет важное для эксцентриков число 13, затем журнал возрождается, выходит в трёх столицах — Барселона, Нью-Йорк, Париж). С 1920-го С. Шаршун в Париже связывает французскую дада-группу с русскоязычными «Гатарapak» — «Палата поэтов». Будущая есенинская жена А. Дункан, участница парижских дада-акций (вослед брату Р. Дункану) да вечеров русских авангардистов, перед поездкой в Россию расспрашивает у Шаршуна о его родине. В 1922-м С. Шаршун тоже решает ехать с подружкой-полячкой Е. Грюнгофф (Грингофф (Х. Грюнхофф (три варианта))) в страну победившего имажинизма (третьим после сопалатников М. Л. М. Талова с В. Парнахом (тот тут эпизодно актёрствует в знаковых фильмах и питерских, и московских фэксов («Весёлые ребята», «Похождения Октябрины» (не всегда присутствует в титрах))))). Но С. Шаршун застревает в Берлине, где общается с понаехавшими имажинистами разной степени (А. Белый, С. Есенин, В. Маяковский, А. Ремизов, др.), издаёт теорию дада книжкой, много выступает (в т.ч. в писательской троице с С. Либерманом, А. Присмановой от «4+1»), устраивает выставки дуэтом (с поэтом-художницей Е. Грюнгофф) или в троице (с эмигрировавшими амазонками авангарда К. Богуславской (Пуни) да Е. Лисснер (Бломберг)). От возвращения на родину пылких романтиков Сергея с Еленой отговаривает всё та же А. Дункан, уже хлебнувшая советской жизни (притом — не в худшем виде, как хозяйка имажинистской штаб-квартиры «Обошняк на Пречистенке» да опекаемая властями «сочувствующая» гостя страны). В 1923-м Шаршун возвращается в Париж, активничает в трёх новых левых объединениях на стыке 20–30-х («Кочевье», «Через», «Числа»). Иногда в составе журнала «Числа» печатаются листовки шаршунского издательства «Перевоз» (до 1949 года выходит 13 одноимённых, тогда же и затем — масса подобных). Первый из трёх берлинских номеров «Перевоз ДАДА» наиболее связан с имажинизмом: «Ничевоки — нукудышники», «Имажи канатоходства плывущие на руках до стенки. Руки сладкопепцы рупоры. Митинговые акафисты грабли и россыпи ручных щедрот гранат шведской и гипнотизёра гимназии», «Отряхнём прах политики с ног», «Кисель морщин волос подошв глаз», «Последняя перепись установила, что в Риге вылупились 13 циплят растаскивающих говно по холсту — кукующих выклевать глаза французской живописи», «Вещичка вышивает ДАДА бисером подпрыгивая карасём на сковородке, а радиоактивная вывеска есенин топит все вещи небоскрёбных мостов»... Завершается номер программным обращением к троице заочных друзей («Телеграмма: Москва Кручёному Петникову Родченко — Перевоз ДАДА отплыл в первый рейс с подкреплением») да рекламой своей берлинской троицы поэтов-художников (С. Шаршун, Е. Грюнгофф, пастернаковский племянник-одессит Ф. Гозиасон (Германович (Ж. Сабиле (три варианта))). Адрес редакции указывают по-имажинистски: «Отель: «Корабль без единого приключения». А второй номер заканчивается уже вполне товарищеским посланием ничевокам при издёвках над берлинскими соседями, особенно группой «Веретено»: «Телеграмма НИЧЕВОКАМ, Москва. В день годовщины перехода власти в руки Формального Метода Интернационал ДАДА шлёт своё братское «не сдавай». Сейчас ливень в странах Дроздопоклонников... Не покупайте дроздодолларов у них бумажные подмётки». Постоянны нападки на конкурирующие группы, в т.ч. бывших да будущих сотоварищей, лишь поддержка группы Т. Цары неизменна. Берлинские вечера имажинистов в шаршуновых письмах Т. Царе: «Кусиков, сентиментальный молотобоец, который скоро перестанет писать, и гениальный Сергей Есенин, митинговый эпический апостол, который говорит, апокалиптически вздымая руки... Кажется, именно «ничевоки» ближе всего подойдут к дадаистам». Трижды листовками 1929–1934 печатает смешные коллажные тексты-провокации парижская троица (Шаршун, Ал. Гингер, Б. Поплав-

ский): «Русский Хай-Кай. Перевоз №10», «Трое. Перевоз №11», «Орфеи. Перевоз №12». Порой участвуют в «Перевозе» трое не совсем авангардистов: Г. Раевский (Оцуп), М. Струве, В. Унковский.

«Гатарапак» до сих пор пытаются расшифровать как аббревиатуру по именам создателей, но это просто абсурдная модель типа Дада или заумный иماج. В 1920-м сильно заинтересовывается дада влиятельный парижанин-издатель Ж. Поволоцкий (Я. Бендерский (М. Плеханов (три варианта))). Этот урождённый одессит Яша Бендерский, как и его возможный родственник О. Бендер, участвует во множестве разнонаправленных авантюр — киевский университетский студент, берлинский музыкант-дирижёр, парижский организатор «Осеннего салона» художников, французский капрал-доброволец на войне с немцами, библиотекарь-архивист масонской ложи «Фивы», один из основателей филиала масонской ложи «Северная Звезда», издатель теоретических да мемуарных трудов всех участников Гражданской войны (белых генералов, коммунистов, эсеров, пр.), подозреваемый в связях с Коминтерном, выпускает отличных альбомов по искусству да современных русских-французских прозаиков-поэтов, покровитель Одесского землячества в Париже. Всегда — активный общественник, иногда — активный литератор (под псевдонимом), сбиваемый военным грузовиком сразу после войны, 1945. Ж. Поволоцкий открывает при своём книжном магазине левую галерею «Мишень» с одноимённым издательством, акцентируя связь с довоенными всёками Ослиного Хвоста (их выставка «Мишень», 1913) приглашением М. Ларионова, выпускает дада-листочки да текстовки, проводит концерты да выставки дадаистов.

Помимо стиховечеров (декламации, доклады, лекции) да эксцентричных кабарежных скетчей (где роли играют поэты) парижская «Палата поэтов» затевает своё издательство с одноимённым журналом, куда главред одессит с тройным именем М.М.Л. Талов приглашает (в т.ч. заочно) и околоимажинистских москвичей, и тифлисских эмигрантов футуристов, и парижских ветеранов авангарда (в т.ч. местных): К. Бальмонт, С. Буданцев, А. П. Галлиен (Гальен), Р. Гиль (Гилберт (Жильбер (три варианта))), Ал. Гингер (Агния Нагаго), Ж. Дюамель, Г. Евангулов, М. Жакоб, Замтари (А. Меликова), Р. Ивнев, В. Ильина, Ж. Кассу, А. Мерсеро, А. Модильяни (Модиглиани), В. Парнах (Парнок), Б. Пастернак, М. Струве, М. Цветаева, С. Шаршун, И. Г. Эрэнбург (автор «Тринадцати трубок»), др. Проект рушится после приглашения издателем-одесситом О. Зелюком в редакторы более правого поэта-художника А. Койранского (эвакуируется из Одессы). «Свора верных» — неофициальное название «Палаты» по гингеровской книжке, посвящаемой основателям группы.

Кроме «Выставки тринадцати», 1922, в облюбованном русской молодёжью парижском кафе «Хамелеон» (вослед «Вечеру тринадцати», 1918, в московском Союзе Поэтов под руководством имажинистов) активисты «Через» организуют еженедельные собрания с литературными чтениями да докладами по всем стилям авангарда, поэзовечера с попутными демонстрациями художников да музыкой, чествования приезжающих из-за красной границы (в т.ч. три имажиниста С. Есенин, А. Кусиков, В. Маяковский), три групповые выставки в кафе «Парнас», 1921 (в т.ч. «Сотня с Парнаса» (рифмой к «Стоилу Пегаса»)), затем — в других кафе да небольших галереях до конца 20-х (в т.ч. «33 русских художника»), актёрствует в акциях французских Дада, печатает рекламу «Маковца» да «Гостиницы для путешественников в прекрасном», пытается подружиться с ЛЕФом. Год до 1924-го — особенно много акций с московскими имажинистами. «Через» организует цикл представлений «Неделя Камерного Театра» (приехавшего на гастроли в Париж из Москва через Берлин) — с однодневной выставкой в галерее П. Гийома макетов декораций да эскизов костюмов КАТЕТ, с тремя театральными докладами в кафе «Сиреневый хуторок» (В. Барт, Ильязд, Вл. Соколов), с последующим диспутом о театральном авангарде. Тут же в 1923 А. Таиров хочет поставить в московском КАТЕТе пьесу главного дадаиста Т. Тцары «Платок облаков» (безрезультатно, ставится самими парижанами в более счастливом для эксцентриков 1924-м). Тогда

же в Берлине А. Таиров обсуждает проект постановки царовского «Газодвижимого сердца» с его переводчиком С. Шаршуном. На вечере «Через» в кафе «Хамелеон» проводят свои «Беседы о театре» связанные с КАТЕТ да ОГЕТ актёры-режиссёры-теоретики Б. Глубоковский («Художественная жизнь Москвы») да К. Эггерт («Русский театр за 1919–1922 годы»). Совместно с Союзом русских художников в Париже «Через» организует яркие костюмированные тематические благотворительные балы в пользу нуждающихся художников, где дадаистическим юмором да имажинистской образностью щеголяет весь художественный цвет интернационального Парижа, афиши-листовки-плакаты выполняются как дада-объекты. А над Монпарнасом развеваются свитки со стихами лично отсутствующих А. Кручёных, В. Маяковского, И. Терентьева, В. Хлебникова, В. Шершеневича, др. Самая шумевшая акция группы — театрализованный русско-французский «Вечер Бородатого сердца», 1923, на котором после руколомной драки с вмешательством полисменов окончательно размежёвываются «чистые дадаисты» под атаманством Т. Цара да будущие сюрреалисты во главе с фюрером А. Бретоном.

В состав группы, которую добротный том «Дада в Париже» М. Сануйе обозначает как «русскую любительскую авангардистскую труппу под названием «Через» при издательстве «41°», входит более широкий круг. Эмигранты из московских да питерских театральных «камерников», Ордена Имажинистов да Ордена Серапионовых братьев, невского да украинского футуризма, тифлисского да цюрихского Дада. Шершеневичевские коллеги по киношной «Драме в кабаре футуристов» Н. Гончарова с М. Ларионовым. Автор обзоров в «Гостинице для...» Ф. Леже с российской женой-художницей Н. Леже (Н. В. Грабовская (Н. Ходасевич (Н. Ходосевич (ещё три варианта))). Командированные для повышения рисовательного мастерства из Тифлиса «три мушкетёра» Д. Какабадзе, Ш. Кикоидзе, Л. Гудиашили (В. Гудиев (Ди Ладо (три варианта))). Последний из этих друзей порой отождествляется с загадочным московским имажинистом-художником Дид Ладо. Есенинско-кусиковский ученик Б. Божнев (Гершун), первую книжку «Друзья» затевающий как сборник в триоце с Ал. Гингером да К. Терешковичем. Есенинская жена-босоножка А. Дункан, её брат-соратник, танцор, художник, поэт Раймон (третья семейная танцорка, дочь Ирма Дункан, блюдёт в Москве бывшую штаб-квартиру имажинистов на Пречистенке (вообще у Айсейдоры три брата-сестры, все актёрствуют)). Начинаящий с «имажинистических трагедий» да «кубоимажинистической росписи» брат шершеневичевской подруги-ученицы — Б. Поплавский (три первых самиздатских книги посвящает (каждую) трём разным друзьям-подругам). Актриса КАТЕТ да синема, балерина да писательница, художница да дизайнер Вера Судейкина (де Боссе, ещё по трём мужьям — Люри, Стравинская, Шиллинг) с подругой А. Даниловой (Тула), работающая под общим именем Тулавера. Шершеневичевский друг-соавтор по началу имажинизма Л. Зак. Друг-соратник С. Юткевича по крымскому футурному альманаху с манифестом эксцентризма «Кабаре на эшафоте» П. Челищев (в Киеве весной 1919-го при большевиках празднично оформляет город монументальными панно за красных, с августа 1919-го — в белой Добровольческой армии картографом, вычерчивает укрепления Сивашского перешейка, эвакуируется с врангелевцами). Троица армянских художников, прошедших богему Батума, Берлина, Константинополя, Москвы, Рима, Тифлиса: В. Боберман со своими сёстрами Е. Шилтян (Боберман) да З. Готье (Боберман), плюс сестрины мужа-художники М. Гот (Готье) да Г. Шилтян. Лётчик, певец, художник (три амплуа) В. Поляков-Байдаров (отец трёх сестёр-актрис, в т.ч. М. Влади (актриса, писательница, художник (три амплуа), третья жена В. Высоцкого)). Провозглашающие идентичные имажинизму теории испанские-латиноамериканские представители мощного движения ультраистов во главе с троицей В. Гидобро (Гюдобро (Уидобро (три варианта))), Р. Гомес де ла Серна, Г. де Торре. Выходец с Украины С. Ромов (Ромофф (Роффман (три варианта)) — один из трёх лидеров «Через», сотрудник французских галерей-журналов-издательств авангарда, организатор парижской «Выставки

тринадцати», 1922, многих других акций да проектов (в т.ч. неудачного издательства «Двенадцать»), затем уезжает в СССР, активно печатается (в т.ч. фантастическая повесть «Одна треть жизни», 1928), в Москве сотрудничает с группой художников «Тринадцать», расстрелян в 1939-м (после ареста, 1933, пыток, освобождения, новых арестов).

Такая вот небольшая «русская любительская труппа при издательстве». Возврат в Россию обитавших тогда на Монпарнасе со своими проектами Б. Глубоковского, С. Есенина, А. Мариенгофа, В. Маяковского, К. Эггерта, Г. Якулова и компании не даёт судьбе имажинизма сложиться в Париже так же естественно да удачно, как у сюрреализма, например. Некоторые из участников распавшегося Имажинистского Интернационала, возможно, тоже прошли пермскими дорогами. Расследования ведутся...